

Джек Лондон

Тайфун у берегов Японии

Джек Лондон

Тайфун у берегов Японии

«Public Domain»

1893

Лондон Д.

Тайфун у берегов Японии / Д. Лондон — «Public Domain», 1893

«Пробило четыре склянки утренней вахты. Мы только что кончили завтракать, когда на нос пришел дежурный вахты положить судно в дрейф, а всей остальной команде – готовиться к посадке на лодки.– Лево, лево на борт! – крикнул наш боцман. – Взять марсели на гитовы! Спустить бомквивер! Обстенить квивер под ветер и спустить фока-зейл! Так наша шхуна „Софи Сазерленд“ легла в дрейф у берегов Японии, около мыса Джеримо, 10 апреля 1893 года...»

Джек Лондон

Тайфун у берегов Японии

Story of a Typhoon off the Coast of Japan (1893)

* * *

Пробило четыре склянки утренней вахты. Мы только что кончили завтракать, когда на нос пришел дежурный вахты положить судно в дрейф, а всей остальной команде – готовиться к посадке на лодки.

– Лево, лево на борт! – крикнул наш боцман. – Взять марсели на гитовы! Спустить бомквивер! Обстеньить квивер под ветер и спустить фока-зейл!

Так наша шхуна «Софи Сазерленд» легла в дрейф у берегов Японии, около мыса Джеримо, 10 апреля 1893 года.

Затем наступили минуты суеты и беспорядка. На восемнадцать человек было шесть лодок. Кое-кто травил канат, другие снимали найтовы; появились рулевые с лодочными компасами и бочонками воды и гребцы с ящиками провизии. Охотники пошатывались под тяжестью нескольких ружей, карабинов и внушительным ящиком патронов; все это они скоро уложили, вместе со своей непромокаемой одеждой и рукавицами, в лодки.

Боцман отдал последние приказания, и мы отчалили, гребя тремя парами весел, чтобы занять среди шлюпок свое место. Были мы в наветренной шлюпке, и нам пришлось грести дальше, чем другим. Первая, вторая и третья шлюпки с подветренной стороны скоро поставили все паруса и пошли на юг и на запад вполветра, а шхуна пошла на подветренную сторону для того, чтобы в случае нужды шлюпки имели попутный ветер для возвращения.

Было великолепное утро, но наш рулевой, взглянув на восходящее солнце, многозначительно покачал головой и пророчески пробормотал: «Солнце с утра красное – для матроса дело опасное». Солнце действительно выглядело зловещим, и немногочисленные легкие кудрявые «барашки» в этой части неба казались смущенными и испуганными и скоро исчезли.

В сторону, к северу, мыс Джеримо вздымал свою черную, неприветливую вершину, словно какое-то огромное чудовище, выплывающее из глубины. Зимний снег, еще не совсем растопленный солнцем, покрывал его пятнами сверкающей белизны, над которыми пронесся на пути к морю легкий ветер. Огромные чайки медленно подымались, взмахивая крыльями на легком ветре и с полмили ударяясь своими перепончатыми лапами о поверхность воды, прежде чем от нее отделиться. Едва затихло их шлепанье, как поднялась стая морских перепелов и, свистя крыльями, полетела против ветра к тому месту, где было разбросано стадо китов; фонтаны, ими выпускаемые, напоминали паровыпускную трубу паровой машины. Хриплые, резкие крики альбатросов неприятно резали наш слух и заставили насторожиться с полдюжины тюленей из небольшого стада впереди нас. Они стали уплывать, рассекая воду. Морская чайка в медленном, размеренном полете кружилась вокруг нас длинными, величественными кривыми, и, словно памятка о доме, маленький английский воробей нахально уселся на носу и, наклонив голову набок, весело зачирикал. Шлюпки скоро оказались среди тюленей, и с подветренной стороны послышались ружейные «трах, трах».

Ветер медленно усиливался, и к трем часам, когда, с дюжиной тюленей в нашей шлюпке, мы рассуждали, двигаться ли дальше или возвращаться, на бизани нашей шхуны подняли отзывный флаг. Это был верный знак того, что с усилением ветра барометр падает и что наш боцман начинает беспокоиться за безопасность шлюпок.

Мы пошли по ветру с одним рифом на парусе. Рулевой сидел, стиснув зубы, твердо сжимая обеими руками кормовое весло, и настороженно бросал беспокойные взгляды то на шхуну впереди, когда мы подымались на волне, то на грот, затем через корму туда, где темная рябь ветра на воде предупреждала его о близком порыве или о большой волне с мелким гребнем. Волны устроили буйный карнавал, в диком веселье выделявая самые странные фигуры и ожесточенно нас преследуя, пока какой-нибудь большой вал, прозрачно-зеленый, с молочно-белым пенным гребнем, не подымался на волнующейся груди океана и не прогонял их. Но прогонял только на мгновение, так как они появлялись снова и снова и перекачивались в солнечной полосе, где волны и мельчайшие брызги походили на расплавленное серебро. Там, в этой полосе, вода теряла свой темно-зеленый цвет и превращалась в ослепительно серебристый поток только для того, чтобы исчезнуть в дикой, мрачно бурлящей пустыне, на которой отдельные темные, грозные волны вздымались, разбивались и катились снова и снова вперед. Движение, сверкание и серебристый цвет скоро исчезли вместе с солнцем, затемненным черными тучами, идущими с северо-запада, – верными предвестниками наступающей бури.

Мы скоро достигли шхуны и оказались последними взошедшими на борт. В несколько минут с тюленей были содраны шкуры, шлюпки и палуба были вымыты, и мы уже были внизу, у потрескивающего огня на баке, где нас ожидало умывание, переодевание и основательный ужин. На шхуне подняли паруса, так как нам предстояло пройти до утра семьдесят пять миль к югу, чтобы оказаться среди тюленей, от которых мы удалились в течение последних двух дней охоты.

Наша вахта была первая – с восьми до полуночи. Ветер скоро стал крепчать, и наш боцман, прогуливаясь взад и вперед на корме, ждал, что эту ночь спать придется мало. Марсели скоро взяли на гитовы и закрепили, затем спустили и убрали бом-кливер. К этому времени волнение стало уже нешуточным: валы то и дело перекачивались через палубу, затопляя ее и угрожая разбить шлюпки. Когда пробило шесть склянок, нам приказали перевернуть лодки и надеть на них штормовые найтовы. Это заняло нас до восьми склянок, когда нас сменила средняя вахта. Я сошел вниз последним – как раз в тот момент, когда дежурная вахта убирала контра-бизань. Внизу все спали, кроме нашего новичка «каменщика», умиравшего от чахотки. Морской фонарь, раскачиваемый из стороны в сторону, бросал бледный, мерцающий свет на бак и превращал в золотистый мед капли воды на желтой непромокаемой одежде. Во всех углах, казалось, появились и исчезали черные тени, а наверху, у огней шхуны, за стойками брашпиля, где тени спускались с палубы и таились, словно дракон у входа в пещеру, было темно, как в преисподней. Время от времени, когда шхуну качало сильнее, чем обычно, свет, казалось, на мгновение проникал глубже, только затем, чтобы отступить, оставив ее окутанной еще в больший мрак, чем раньше. Рев ветра в снастях доходил до ушей заглушённым, словно отдаленный грохот поезда, проезжающего по мосту, или прибоя на берегу, а громкие удары волн с наветренной стороны носа, казалось, почти разрывали бимсы и обшивку, прокатываясь по баку. Скрип и стон балок, подпорок и переборок заглушали стоны умирающего, беспокойно метавшегося на своей койке. Трение фок-мачты о палубные бимсы иногда вырывалось из шума бури. Маленькие ручейки воды стекали по стойкам брашпиля с верха бака и, сливаясь с ручейками от мокрой непромокаемой одежды, сбегали по полу и исчезали в главном трюме.

Когда пробило две склянки средней вахты, то есть на языке суши – в час ночи, на баке проревели команду:

– Все наверх убавлять паруса!

Сонные матросы стали выкатываться со своих коек, натягивая одежду, непромокаемые куртки и сапоги, и – наверх, на палубу. Когда такая команда приходит в холодную бурную ночь, «Джек» мрачно бормочет: «Кто же не хотел бы продать ферму и отправиться на море?»

Только на палубе можно было вполне оценить силу ветра – особенно после душевного бака. Он, казалось, стоял перед вами стеной и почти не давал дышать. Шхуна лежала в дрейфе под

кливером, фока-зейлом и гротом. Мы принялись за опускание и крепление фока-зейла. Ночь была темная, что сильно затрудняло нашу работу. Хотя ни единая звезда не могла пронизать черные массы штормовых туч, затемнявших небо и гонимых ветром, природа все же слегка нам помогала. От океана исходил мягкий свет. Каждая громадная волна, вся фосфоресцирующая и светящаяся крохотными огоньками мириад бактерий, грозила залить вас огненным потоком. Выше и выше, тоньше и тоньше становился гребень, начиная загибаться и переливаться перед тем, как разбиться, пока с ревом не обрушивался на палубу массой мягкого блистающего света и тоннами воды. Валы сбивали матросов наземь и оставляли в каждом уголке и щели маленькие пятнышки света, сиявшие и трепетавшие, пока следующая волна не смывала их, оставляя на их месте новые. Иногда несколько валов, следующих один за другим и с грохотом падающих на нашу палубу, наполняли ее до самых бортов, но вскоре вода выливалась через шпигаты клюзов.

Чтобы взять риф на гроте, мы были вынуждены идти по ветру, под кливером с одним рифом. К тому времени, когда мы кончили, волнение стало таким сильным, что дрейфовать было нельзя. Мы понеслись на крыльях бури среди пены и летящих брызг. Поворот к штир-борту, опять поворот на левый борт, а огромные валы все били и били в корму. Когда рассвело, мы убрали кливер, не оставив ни одного неубранного паруса. С той поры, как мы пошли носом на фордевинд, шхуна перестала забирать носом, но посередине судна волны перекатывались часто и бурно. Шторм был без дождя, но сильный ветер наполнял воздух тонкой водяной пылью, которая носилась до высоты краспиц-салингов и резала лицо, как ножом, не давая возможности видеть на сто ярдов впереди. Море было темно-свинцового цвета; его длинные, медленные, величественные валы взбивались ветром в жидкие горы пены. Дикие прыжки шхуны, когда она продвигалась, были ужасны. Она почти останавливалась, как бы взбираясь на гору, и, достигши вершины огромной волны, кренилась и задерживалась на мгновение, как бы испуганная зияющей перед нею пропастью. Словно лавина, неслась она вперед, когда волна с кормы ударяла ее с силой тысячи таранов, и зарывалась носом до крамболов в молочную пену, покрывавшую всю палубу и стекавшую через клюзы и поверх поручней.

Наконец ветер стал спадать, и к десяти часам мы говорили о том, чтобы лечь в дрейф. Мы прошли мимо корабля, двух шхун и четырехмачтовой баркентины и в одиннадцать часов, подняв контра-бизань и кливер, легли в дрейф, а еще через час шли обратно против зыби под полными парусами, чтобы вернуться к месту лова тюленей на запад.

Внизу двое зашивали тело «каменщика» в парусину, приготавливая его к погребению в море. Так, вместе с бурей, отошла душа «каменщика».